

Обработка статистических данных позволяет получить математические модели (виды теоретических вероятностных распределений случайных величин и их статистики) параметров входного потока: t_E , d_B , S (сбег), $d_{ГН}$, L , K (кривизна), d_C и n_C , параметров состояния системы: t_L , t_{3T} , t_{PX} , t_{XX} , $L_{СК}$, $t_{ПС}$, $t_{МС}$ и зависимости статистик случайных величин от доминирующих факторов.

Библиографический список

1. Чамеев В.В. и др. Статистические наблюдений за функционированием лесотехнического объекта / В.В. Чамеев, А.А. Еремеев, О.А. Федотова, Е.Г. Бобыкина // Леса России и хоз-во в них: жур. Вып. 1(35) / Урал. гос. лесотехн. ун-т. Екатеринбург, 2010. С. 64-68.
2. Калитеевский Р.Е. Лесопиление в XXI веке. Технология, оборудование, менеджмент. СПб.: ПРОФИ-ИНФОРМ, 2005. 480 с.
3. Чамеев В.В., Меньшиков Б.Е., Обвинцев В.В. Природно-производственные условия лесного фонда и размерно-качественная характеристика деревьев и хлыстов: учеб. пособие. Екатеринбург: УГЛТА, 2001. 108 с. (Сер.: Основы проектирования лесопромышленных производств. Системный подход).
4. Чамеев В.В. и др. Размерно-качественная характеристика сортиментов: учеб. пособие / Чамеев В.В., Обвинцев В.В., Меньшиков Б.Е., Гаева Е.В. Екатеринбург: Урал. гос. лесотехн. ун-т, 2002. 102 с. (Сер.: Основы проектирования лесопромышленных производств. Системный подход).

УДК 630*91

А.В. Дмитриев
(A.V. Dmitriev)

(Уральский государственный горный университет)

Дмитриев Александр Васильевич родился в Кургане в 1945 г. Окончил в 1972 г. исторический факультет Уральского государственного университета им. Горького. Кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и истории Уральского государственного горного университета, специализация «История горно-металлургической промышленности Урала (XIX- начало XX. вв.)».

**К ВОПРОСУ О РАЗДЕЛЕНИИ ЛЕСНОГО ФОНДА
НА ГОРНОЗАВОДСКОМ УРАЛЕ В ХОДЕ
ПОРЕФОРМЕННОГО ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА
(1861-1900 гг..)**

**(ON THE NATIONAL FOREST (NATIONAL
SILVAN ONNERSHIP) DIVISION IN GORNOZAVODSKY
URALS IN THE PROCESS OF POST-REFORM SYSTEM
OOF LAND TENURE ARRANGEMENT)**

На основе архивных материалов проанализированы результаты выделения земельных наделов рабочим уральских заводов после реформы 1861 г. Указаны причины саботирования реализации реформы заводской администрацией.

The article deals with the results of land plots allocation to the Urals factory workers after the reform of 1861. The motives to sabotage reform realization by factory administration has been pointed out.

Разграничение земельного фонда, соответствовавшее в индустриальной зоне Урала задачам горно-лесного хозяйства, породило антагонизм в сфере земельных отношений, обусловленный прежде всего стремлением заводчиков удержать за собой лесные дачи – источник сырья и топливно-энергетических ресурсов.

Крепостное право на горных заводах и промыслах отменялось «Дополнительными правилами» к Манифесту 19 февраля и «Положением» от 8 марта 1861 г. [1]. Этими актами становившееся лично свободным горнозаводское население подразделялось на мастеровых и сельских работников. Первые получали усадьбы, выгоны и по одной десятине покоса. Вторым полагались сельскохозяйственные угодья, находившиеся в их распоряжении до реформы (на казенных заводах – в постоянное пользование за оброк; на вотчинных, подобно помещичьим крестьянам, – в собственность после выкупа наделов). Преимущества сельских работников в размере землепользования повлекли за собой отход от декларируемого законодателями принципа отнесения рабочих к той или иной социально-правовой группе в зависимости от характера труда. Несмотря на то, что две трети руднично-заводских операций выполнялось вспомогательными (сельскими) работниками, свыше 80 % горнозаводских кадров администрация и заводовладельцы включили в состав мастеровых с мизерным наделом в одну десятину покоса да небольшим выгоном для скота [2].

Рассмотрим вначале перипетии землеустройства в частновладельческом секторе. Известно, что надежду титулованной аристократии на освобождение крепостных без земли даже Главный комитет по крестьянскому делу расценил противоречащей здравому смыслу. По Закону от 3 декабря

1862 г. мастеровым в случае сокращения производства или закрытия предприятия назначался высший надел «по мере средств завода» либо они должны были отселяться на казенные земли с льготами, установленными для переселенцев из числа государственных крестьян [3].

Латифундисты (крупные землевладельцы) искусно саботировали закон. В свою очередь, бывшие крепостные повсеместно отказывались подписывать уставные грамоты на куцые наделы, настаивая на дореформенных условиях землепользования. Каждой семье, участвовавшей в лесокуренной операции, перевозках заводских грузов, требовалось несколько десятин сенокосных площадей, чтобы содержать двух-трех лошадей. Государственный резерв земель, пригодных для хлебопашества в казенных округах, был незначительным, поэтому «лишнему» населению предлагалось переселяться в Сибирь. Помыкавшись на чужбине, вконец разорившись, многие возвращались в родные места [4].

Заводовладельцы всячески противодействовали отграничению наделов по «фактическому пользованию», убеждали правительство в ошибочности юридического закрепления земельной собственности за бывшими крепостными, якобы приближавшего истощение запасов горючего и повальную безработицу. Мирясь с раздачей пастбищ и покосов, гарантировавшей удовлетворение потребности в рабочей силе, вотчинники единодушно выступали против лесных наделов. Аргументация обычно сводилась к тому, что мера, подрывающая топливную базу, не достигнет цели, ибо через 10-15 лет лес наделных участков будет распродан и тогда «лесокрады» пустят под топор заводские дачи [5].

В отвергнутые населением уставные грамоты, как правило, вносился пункт, согласно которому произрастающий на отводимых наделах лес оставался в распоряжении помещиков и рубить его разрешалось только с санкции последних. Сельским работникам доставались лишь малоценные «сколки», выходявшие за «спрямляемые» границы сплошных лесных массивов. А поскольку немало бывших крепостных после реформы лишалось работы в горнозаводской промышленности и поневоле вовлекалось в торговлю лесоматериалами, то защитить древостои латифундисты надеялись путем усиления охраны и «деятельного судопроизводства» [6].

В посессионном секторе землеустройство испытывало на себе влияние двух тенденций: номинальная владелица поверхности и недр земли – казна – стремилась упорядочить землепользование на основе взаимоприемлемого компромисса между работодателями и наемными работниками; посессионеры же, претендовавшие на полную собственность арендуемой недвижимости, отстаивали монополию с вытекающими из нее запретом «огнедействующих заведений», ограничением наделов до минимума, что позволяло и впредь иметь в лице местных жителей дешевую рабочую силу.

Большинство населения, произвольно зачисленное в разряд мастеровых, терявшее две трети дореформенного землепользования, не подписало

навязываемых заводчиками уставных грамот. Особое недовольство вызвало установление платы за выкашивание «росчистей» – покосов, созданных в лесных урочищах и передаваемых родственниками из поколения в поколение. Обеспокоенное незатаившимися волнениями на Урале правительство пошло на уступки. Согласно законам от 14 февраля 1862 г. и 9 августа 1864 г. безвозмездное пользование росчистями было восстановлено [7]. Явный перегиб устранялся по инициативе самих посессионеров, нуждавшихся, как и вотчинники, в значительном количестве конных рабочих, тем более, что сенокосные угодья не обеспечивали им прожиточного минимума и служили мастерам лишь подспорьем к заработкам на заводах.

В 1878 г. при рассмотрении в Государственном совете вопроса о выкупе посессионных округов арендаторами министр П.А. Валуев предложил отвести мастерам бездействовавших нерентабельных предприятий сельскохозяйственные угодья, соответствовавшие высшему наделу помещичьих крестьян, и лесные участки от 1 до 4 десятин на душу. С помощью связей в правительственных инстанциях латифундисты провалили проект министра государственных имуществ. Они доказывали, что «обращение мастеровых в землевладельцев», возможное лишь за счет изъятия древостоев, приведет к катастрофическим последствиям: выплавка металла уменьшится едва ли не наполовину, а наиболее крупные заводы, где и без того ощущался недостаток горючего, придется закрыть.

Признавая малопривлекательную оценку обоснованной, руководство Горного департамента выступило против введения в посессионных округах нормы землепользования, узаконенной для казенного сектора. Ободренные поддержкой столичной бюрократии, латифундисты согласились на дополнительные прирезки к наделам только «вне лесных пространств». Их многочисленные докладные записки, коллективные протесты, адресованные властям, объединяла мысль о неправомерности захватного (т.е. фактического) землепользования, якобы угрожавшего «заводскому действию» [8].

Массовые увольнения в горнозаводской промышленности после отмены подневольного труда побуждали безработных заняться кустарными промыслами или сельским хозяйством. В связи с тем, что почвенно-климатические условия Урала зачастую не благоприятствовали земледелию, население увеличивало в основном площади пастбищ и сенокосов, дававших возможность содержать продуктивный скот и необходимых для выгодного извозного промысла лошадей. Расширение покосов происходило главным образом за счет выжигания и раскорчевки росчистей, появлявшихся почти на всех свежих лесосеках.

Превращение древостоев в сельскохозяйственные угодья, самовольные заготовки древесины людьми, потерявшими работу, на продажу особенно широкое распространение получили в посессионном секторе, сильнее других пораженном пореформенным кризисом. В 60-70-х гг. XIX в., когда в верхах возобладали настроения о выкупе металлургических пред-

приятый у несостоятельных хозяев в казну с перепродажей рачительным предпринимателям, посессионеры ослабили контроль за лесопользованием, что истолковывалось населением, как неотвратимое изъятие у них земель и уравнивание в правах с жителями казенных округов, располагавших известными преимуществами.

Поводом для оптимистических предположений послужили рекомендации специальной землеустроительной комиссии, образованной при Министерстве государственных имуществ в 1872 г. Входивший в нее главный лесничий Н.Г. Малыгин полагал целесообразным для урегулирования конфликтных взаимоотношений, внедрения системы правильного лесохозяйства предоставить мастерам посессионных заводов наделы величиной от $1\frac{7}{8}$ до 3 десятин на ревизскую душу, в зависимости от состояния древостоев и плотности населения. Отграничение в среднем на усадьбу по 5 десятин с леса было, по его мнению, достаточным для удовлетворения насущных потребностей бывших крепостных.

Как и следовало ожидать, «безопасной» нормой арендаторы остро нуждавшихся в горючем округов Нижнетагильского, Невьянского, Верх-Исетского и ряда других сочли минимальную норму в $1\frac{7}{8}$ десятин, что вызвало всплеск бурного недовольства, поскольку большесемейным дворянам прироста древесины на таких пятачках явно не хватало. Население требовало выделения 3 десятин на ревизскую душу, причем там, где предусматривалось Горным уставом и подписанными грамотами – на расстоянии не далее чем в пяти верстах от селений.

Между тем, пока правительство анализировало вероятные последствия отграничения лесных наделов, заводоуправления спешно вырубали ближайшие древостои, и ко времени рассмотрения вопроса министерской комиссией значительная часть последних исчезла с лица земли. В надел мастерам теперь предназначались редколесья, расположенные в глубине дач, заболоченные или малоценные участки без строевых деревьев.

В ответ на ухищрения латифундистов жители заводских поселков и окрестных деревень, действовавшие по принципу круговой поруки, стали заготавливать лес на хозяйственные надобности в уцелевших массивах, изгонять оттуда стражу, нанимаемых конторами дроворубов и углежогов [9].

Пермское губернское по крестьянским делам присутствие пыталось в 1883 г. разрядить взрывоопасную ситуацию с помощью компромисса. Жителям взамен лесных наделов гарантировалось обеспечение топливом и деловой древесиной из ближайших кварталов дач. Однако сомнительный вариант не поддержала ни та, ни другая сторона. Мастерские продолжали настаивать на высшей норме лесного надела, посессионеры, пекущиеся о топливной базе, допускали только минимальную. Оспаривали они также права работающих у них на бесплатное снабжение дровами и стройматериалами [10].

Итоги первого этапа землеустройства выявили нереальность ключевой идеи, заложенной в законодательных актах; «перелива» избыточной рабочей силы с промышленных предприятий в сельское хозяйство. Во-первых, этому препятствовали латифундисты, с другой стороны, население, даже получившее пашню (кроме бывших государственных крестьян), не желало менять социальный статус и платить земледельческий оброк, дорожило заработками на рудниках, промыслах и заводах. В таких условиях правительство считало недопустимым образование сельскохозяйственных угодий в ущерб древостоям и оправдывало позицию посессионеров. Словом, после неудачного опыта выбор был сделан в пользу металлургии – доминирующей в горнозаводской отрасли в сравнении с хлебопашеством, приверженцев которого в заводских поселках почти не оказалось.

Основные требования заводчиков нашли отражение в Законе 19 мая 1893 г. Мастерские посессионных округов получали по одной десятина покоса и росчистки в размере, утвержденном сельской администрацией. Выгоны (по 600 кв. саженей на душу) рекомендовалось отводить без нарушения «целостности лесов». Предоставление лесных наделов законодатели сочли преждевременным. Пользование жителями лесом для отопления домов и построек разрешалось по аналогии с казенными округами за дифференцированную плату [11].

Завершить землеустройство, связанное с топографической съемкой дач, бесконечными судебными разбирательствами при запутанности чересполосного владения, намечалось за 15 лет – к 1908 г. До истечения указанного срока заводчики могли разрабатывать на угодьях населения полезные ископаемые, обменивать в свою пользу рудоносные и лесные площади. Столкнувшись с повсеместными претензиями латифундистов на лесные участки, крестьянские учреждения квалифицировали принудительный обмен угодий как противозаконный. Тогда заводоуправления начали планомерно сводить древостои на опушках лугов и выгонов, отходящих мастеровым. Преднамеренная заготовка металлургического топлива в посессионном секторе на исходе XIX в. привела, по сообщениям корреспондентов либерально-демократических газет, к обезлесению надельных земель. Хотя закон 1893 г. не запрещал жителям срубить деревья на выгонах и покосах, латифундисты усматривали в этом противоправные действия, налагали штрафы, заключали «расхитителей» под стражу.

Самоуправство заводчиков открыто поощрялось горным ведомством, инструкция которого от 14 октября 1895 г., например, признавала желательным восполнение нехватки горючего за счет надельных куртин. Политическая реакция и контрреформы оказали влияние и на поведение гражданской администрации, в составе которой в годы царствования Александра II было немало прогрессивно настроенных чиновников. Коль скоро мастеровым и сельским работникам не представлен лесной надел, констатировалось в циркулях губернских властей второй половины 80-х – 90-х го-

дов, то все без исключения древонасаждения, в том числе на покосах и выгонах, представляют собой казенную собственность, арендованную заводладельцем. Отграничение лесных наделов ставилось в зависимость от их волеизъявления [12].

Предлагавшаяся посессионерами минимальная норма лесного надела категорически отвергалась населением, а за выделение максимальной (3 десятины) они требовали пропорционального потере возмещения из соседних казенных дач. В результате тяжба, сопровождавшаяся столкновениями самовольных порубщиков с охранниками и полицией и породившая десятки тысяч следственных дел, продолжалась. Обратной стороной неуступчивости латифундистов, уничтожавших ближайшие к селениям массивы и группы деревьев на наделных угодьях, являлась преследовавшая двойную цель вырубка древостоев жителями по границе куреней и рощистей.

Своеобразная черта землеустройства в казенных округах заключалась в «вымежевании» из горнозаводских дач государственных крестьян, башкир, мещеряков, вотяков и вогулов, осуществлявшаяся в несравненно больших масштабах, чем в посессионном секторе. В соответствии с Законом от 24 ноября 1866 г. бывшие государственные крестьяне наделялись сельскохозяйственными, а если позволяли условия, и лесными угодьями от 1 до 3 десятин, «смотря по изобилию лесов». На период топографической съемки разграничиваемых земель Сенат воспретил горному начальству заготавливать горючее в радиусе ближе 5 верст от населенных пунктов, но подобно многим другим указам и этот оставался на бумаге. К тому же, прикрываясь соблюдением среднего лесосечного расстояния, заводоуправления понуждали будущих владельцев к обмену ближайших участков на отдаленные либо на не удобные для углежжения, переувлажненные и каменистые. Неудивительно, что при навязывании мизерных изреженных лесных наделов население их не принимало. Отграничение наделных лесов русскому и аборигенному крестьянству затягивалось, ибо горное ведомство нивелировало «оптимальную» норму до заведомо неудобной (1 – 1,5 десятин), причем готово было расстаться лишь с «ненужными» заводам насаждениями [13].

Не составляло исключение и горнозаводское население, также обделенное лесными участками. Главный начальник уральских заводов высказывался на сей счет в проекте, адресованном правительству накануне реформы, однозначно: необходимые металлургическим предприятиям леса не должны употребляться ни на что другое. Концепция горной администрации с незначительными оговорками и легла в основу «Правил ...» от 8 марта 1861 г. Мастерские и сельские работники получали вместо наделов так называемое лесное довольствие из казенного фонда: по 5 куб. сажень дров на усадьбу, определенное количество строевой древесины.

Причем до реформы последняя представлялась бесплатно, теперь же за «попенные» деньги.

Конфликты на почве принудительного обмена угодий, самовольных порубок привели к рассмотрению в 1868 г. на высшем уровне вопроса об отграничении наделов в казенном секторе. Сенат поддержал предложение губернских должностных лиц о желательности лесных наделов, однако Горное ведомство, полагавшее, что такой шаг усугубит обстановку, доказывало целесообразность подхода, излагавшегося в «Правилах ...» от 8 марта 1861 г. [14].

В связи с неутихавшими на горнозаводском Урале волнениями правительство поручило сенатору Н.П. Клушину, ревизовавшему в 1870 г. самую неблагополучную Пермскую губернию, выявить состояние и причины, тормозившие землеустройство. На основании личных впечатлений, докладов мировых посредников сенатор убедился в отсутствии объективной информации о размерах фактического землепользования. Дачи были испещрены чересполосицей, границы разделяемых угодий по мере исчезновения спорных массивов, увеличения рощистей становились все более неопределенными. Зная о том, что средствами для оперативной съемки дач с ориентировкой на тригонометрические знаки государство не располагает, П.Н. Клушин подчеркивал в своем отчете неотложность отвода жителям казенных округов лесных наделов. Эффективность данной меры заключалась, по его мнению, в устранении «яблока раздора», спасении ближайших лесных массивов, наконец, в уточнении запасов топлива для потребностей металлургии.

Гражданские власти Приуралья тоже признавали отвод лесных наделов в казенном секторе своевременным и полезным, но взгляды их содержали некоторые расхождения. Пермское и Оренбургское по крестьянским делам Присутствия, например, допускали безвозмездную передачу мастеровым и сельским работникам участков сообразно с конкретными условиями от 1 $\frac{7}{8}$ до 3 десятин. Тогда как их коллеги из Вятской и Уфимской губерний полагали, что во имя «безостановочного действия заводов» надельную норму следует ограничить низшей, причем отводить древостои не бесплатно, а вплоть до выкупа за оброчную подать [15].

В преддверии ожидаемой продажи казенных заводов в частные руки правительство спешило с землеустройством проживавшего в них горнозаводского населения, предусматривая уравнивать его в правах с государственными крестьянами. Запутанность поземельных отношений, разноречивые суждения местной администрации дали повод министру финансов прояснить ситуацию, поручить Н.Г. Мальгину подготовку проекта решения, удовлетворявшего обе стороны. Ограждавшая интересы Горного ведомства инструкция нацеливала главного лесничего на предоставление душевого надела преимущественно в одну десятину. Предельный размер исчислялся в 1 $\frac{7}{8}$ десятин, при этом надлежало выбирать закустаренные

редколесья и прочие малоценные древостои. Формальный спрос выявил безоговорочное одобрение местными чиновниками присланного из Петербурга документа. В общем хоре нестройно прозвучал лишь рапорт управляющего Омутнинскими заводами, у которого нашлось мужество оспорить начальственную директиву и мотивировать обеспечение полубезработного населения высшим лесным наделом в 3 десятины [16].

Воплощение угодного Горному ведомству варианта землеустройства было прервано в 1873 г. с переходом его из Министерства финансов в подчинение Министерству государственных имуществ во главе с П.А. Валуевым – решительным противником монополизма горнозаводского хозяйства.

Благодаря усилиям П.А. Валуева 12 марта 1877 г. был принят Закон (инструкция) о регулировании дальнейшего хода землеустройства в казенных округах. Он закреплял за мастеровыми и сельскими работниками угодья, находившиеся в их фактическом пользовании. Отграничивался лесной надел согласно ст. 12 Закона преимущественно на сопредельных с заводскими угодьях населения (перелогам, выпасам и т.п.). Недостаток заготавливаемой на них древесины компенсировался из сплошных массивов, примыкавших к наделным землям. Землепользование мастеровых и сельских работников приравнивалось к наделам государственных крестьян. Максимальная величина наделов достигала 8 десятин в малолесных и 15 десятин в многолесных дачах. Обязательный обмен участков подлежал запрету и допускался только на добровольных началах, по усмотрению заводоуправлений. В распоряжении населения поступали не только поверхность, но и недра угодий [17].

Инструкция предписывала землеустроителям руководствоваться не устаревшими данными лесоустройства, а итогами специального картографирования каждого вида угодий. Обстоятельный подход требовал огромных затрат труда и времени. Между тем после возвращения горнозаводских лесов в 1883 г. прежнему хозяину – Горному департаменту – с энтузиазмом взявшиеся за дело межевые чины лишились поддержки, ощутили на себе сильнейшее дисциплинарное и моральное давление. Землеустройство по формуле Закона 1877 г. сразу же застопорилось. Администрация Уральского горного управления мотивировала задержку «неправомерностью» обеспечения земель населения по действительному землепользованию в обход подтасованных уставных грамот, навязала правительству изучение «спорного» вопроса в особой комиссии, созданной в феврале 1888 г. при Министерстве государственных имуществ.

Тон в обсуждении аграрной политики на Урале задавали ответственные чиновники Горного ведомства. Главный начальник Уральских заводов И.П. Иванов обвинял землемеров в предвзятости, обозначении на картах несравненно большего пространства, чем то, на которое претендовало население. Главный лесничий В.Н. Мылов считал ошибочной исходную посылку Закона 1877 г. о предоставлении мастеровым и сельским работни-

кам равных наделов с государственными крестьянами. Опрометчивый, по его мнению, шаг, нисколько не способствуя развитию в горнозаводской полосе сельского хозяйства, подрывал благосостояние казенных заводов. В.Н. Мылов не преминул огласить банальный тезис о неизбежности уничтожения жителями наделных древостоев и потенциальной угрозе «лесным клочкам», остающимся у заводууправлений после вымежевания. Закончил свое эмоциональное выступление Главный лесничий призывом к членам комиссии об отмене закона 1877 г. и о вручении Горному ведомству чрезвычайных полномочий, позволявших безраздельно контролировать землеустройство в казенных округах [18].

При ином подходе предрекался неминуемый упадок металлургического производства, озлобление безработных, ценивших трудоустройство на рудниках и заводах выше любого надела, которым будто бы претило занятие «непрестижным» хлебопашеством. Выдвинутые комиссией контрдоводы не смутили В.Н. Мылова, тотчас приказавшего окружным лесничим подытожить последствия землеустройства, выдержанного в духе Закона 1877 г. Обобщенные им расчеты показывали, что реализация Закона сократила бы лесной фонд казенного сектора на одну треть. С удалением массивов, отрезаемых наделами жителей, на 10-15 верст росли издержки от заготовки горючего.

Горное ведомство снабдило цифровые выкладки В.Н. Мылова необходимыми комментариями и развернуло в пространный доклад Комитету министров. После его заслушивания и подробного обсуждения поземельно-устроительные работы на Урале были в 1891 г. приостановлены впредь до пересмотра Инструкции 1877 г. Упразднялась прилагавшаяся к ней классификация горнозаводских дач, которые теперь относились к мало-лесным. Администрации предстояло выбирать: ограничивать ли лесной надел или сохранять сервитут. В какой-то степени порядок, зафиксированный в Правилах от 8 марта 1861 г., больше устраивал жителей, ибо прирост древесины на площади в $1 \frac{7}{8}$ десятины не обеспечивал ежегодного получения 5 куб. сажень на семью.

Несколько лет потратила подчиненная Главному начальнику заводов комиссия на сбор данных для внесения поправок в Закон 1877 г. Подготовленный и тщательно выверенный ею проект нового нормативного акта поступил в 1895 г. на рассмотрение членов междудеятельного совещания. По инициативе Горного ведомства в закон вносились следующие изменения. Из надела мастеровых и сельских работников исключались непостоянные сенокосы в лесах; «неудобные» границы угодий заводууправления могли отныне переносить без согласия жителей; обязательный обмен распространялся не только на действующие рудники, но и на месторождения с выявленными ископаемыми и чересполосные участки, осложнявшие введение правильного лесохозяйства.

Почти все поправки с редакционными замечаниями об «осмотрительности» применения нашли место в Законе от 8 июня 1901 г., по сути перечеркнувшем Инструкцию 1877 г. Отчетливо сознавая, что трудящиеся не примут изреженных малопродуктивных лоскутьев в 1-1 7/8 десятин, авторы закона восстановили до окончания лесоустройства казенных дач традиционные формы лесопользования, изложенные в Правилах 1861 г. и повторявшихся изданиях Горного устава. Сельским обществам, успевшим получить лесные наделы, внушалась мысль о возврате их в казну и имуществах сервитута [19].

Итак, поиски позитивного взаимоприемлемого решения аграрно-лесного вопроса в пореформенный период, несмотря на энергичные административные меры и законотворчество властей, не увенчались успехом. «Земельное неустройство», неустойчивость на этой почве отношений между заводчиками и наемными работниками составляли, по отзывам современников, наиболее характерное явление жизни горнозаводского Урала в конце прошлого столетия, заключали в себе источник социальной напряженности, вылившийся в кризисные моменты в открытое противоборство сторон. В формально-юридическом смысле Горное ведомство и заводовладельцы как будто одержали победу: правительство в конечном счете отказалось от намерения смягчить безработицу путем «окрестьянивания» горнозаводского населения, узаконило обязательный обмен угодий и отложило предоставление лесных наделов до предполагаемого завершения в 1908 г. межевания дач. В результате закрепились монополия производителей металла на недра и топливно-энергетические ресурсы, оберегались вотчинные и посессионные латифундии, искусственная «нераздробляемость» которых тормозила формирование в регионе буржуазной земельной собственности и свободное предпринимательство.

Однако двойственные по своему содержанию законы, к тому же нейтрализовавшиеся ведомственными подзаконными актами, служили ненадежным регулятором социально-экономических процессов в эпоху утверждения капитализма. Землевладение казны и крупных частных владельцев исподволь, но неуклонно сокращалось за счет нелегального расширения сельскохозяйственных угодий, главным образом росчистей, в лесных массивах. Обусловливалось это механическим приростом населения и последствиями продолжительного кризиса после отмены крепостного права. Потерю или несоответствие заработков прожиточному минимуму местные жители возмещали самовольным отторжением у хозяев дополнительных «страховых» наделов. Массовое распространение получили лесные палы, подпиливание деревьев по границам росчистей и превращаемых в них куреней, сводившихся затем под предлогом борьбы с насекомыми, в первую очередь поражающими сухостой.

Как и большинство историков, опирающихся в выводах на источники, а не на идеологические догмы, мы признаем, что фактическое земле-

пользование горнозаводского населения, численно возросшего за пореформенное сорокалетие более чем вдвое, значительно превосходило наделное. Впрочем интенсивная запашка, наблюдавшаяся в черноземной полосе края, мало затронула горнозаводскую зону, где пригодных для хлебопашества земель, в основном покрытых лесом, было немного. Минимально достаточного пахотного надела (около 5 десятин на душу) не имело три четверти сельских работников, не говоря о мастеровых. Складывание непосредственно связанного с ведущей отраслью промышленности своеобразного типа земледельческого хозяйства обуславливало преобладание среди угодий пастбищ и сенокосов. Наряду с сельскими работниками цеховые мастеровые стремились, кроме продуктивного скота, иметь и лошадей. Не случайно горнозаводские уезды приуральских губерний отличались низкими показателями безлошадности, так как почти все мужчины податных сословий занимались в осенне-зимний период углежжением или перевозкой заводских грузов [20]. От количества лошадей в хозяйстве зависел не столько размер запашки, свойственный чисто земледельческим районам, сколько объем выполняемых вспомогательных операций, приносивших солидную долю заработка.

Хронический недостаток конных рабочих, проявившийся с начала 80-х гг., вынуждал горнозаводчиков закрывать глаза на рост сельскохозяйственных угодий, прежде всего лесных покосов. Недопущение захватного землепользования, проблематичное само по себе, вело также к оттоку либо переориентации работоспособного населения на промыслы, нарушало воспроизводство живого тягла, а без достаточного конского поголовья срывалось или затягивалось выполнение разнообразного комплекса вспомогательных работ. Поэтому сверхнадельные угодья отнимались, как правило, у жителей, не связанных с металлургическим производством (ремесленников, мелких торговцев и т.п.). На остальных юридические ограничения во избежание затруднений с наймом возчиков и недовольства полубезработных мастеровых, не мысливших существования без подсобного хозяйства, не распространялись. Судя по всему, именно дефицит конных работников, а отнюдь не избыток населения на большинстве предприятий удерживал Горное ведомство от введения оброчной платы за пользование основным видом наделных земель – рощистями.

Горная администрация и заводовладельцы, безусловно, не питали иллюзий относительно перспектив землеустройства, понимали, что соблюдение взаимных интересов потребителей топлива при одновременном увеличении выплавки металла и численности населения возможно только за счет включения в хозяйственный оборот резервных источников горючего: каменного угля, нефтепродуктов, торфа. И сделано было в области применения заменителей древесины немало. Но в силу объективных причин основу топливного баланса горнозаводской промышленности на исходе XIX в. по-прежнему составляла древесина.

Между тем даже изрядно выхолащивавшиеся, оспаривавшиеся юрис-консультами Горного ведомства законы предусматривали передачу трудящимся от одной трети до половины лесной площади округов [16]. Ясно, что землевладельцы всемерно отдаляли прискорбную для себя развязку, выру-бали предназначавшиеся в надел древостои, искореняли «огнедействующие» отрасли обрабатывающей промышленности. Компенсировать потерю бывшие монополисты рассчитывали главным образом посредством аренды казенного лесного фонда, а с созданием необходимых предпосылок – пере-водом доменных печей на минеральное горючее.

В свою очередь, население, измотанное беспрестанными досмотрами и поборами лесной стражи, судебными разбирательствами с латифунди-стами, последовательно выступало за радикальное решение аграрно-лесного вопроса. В первые пореформенные десятилетия его подталкивало в этому закрытие многих промышленных объектов, в последующем – вы-свобождение рабочих рук вследствие ускорения технического прогресса.

В условиях монокультурной экономики, лимитирования мелкого про-изводства «антикустарным» Законом 1806 г., размещения металлургиче-ских заводов преимущественно в сельской местности земельные наделы служили безработным незаменимым подспорьем, нередко единственным источником средств к существованию. Неослабевающая связь с землей придавала известное своеобразие классовой борьбе уральских рабочих, выдвигавших наряду с пролетарскими и аграрные требования, не харак-терные для трудящихся других индустриальных районов страны.

Библиографический список

1. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1863. Т. 36. № 36667, № 36719.
2. Попов Р. Горнозаводской Урал // Отечественные записки. 1874. №12. С. 361.
3. О мерах к обеспечению горнозаводского населения частных горных заводов. 3 декабря 1862 г. // ПСЗ. Т. 37. № 38989. С. 450.
4. РГИА. Ф. 1291. Оп.66.Д.23.Л31 об.; Д.27.Л.118-119.
5. ГАСО. Ф.24. Оп.16.Д.1039.Л.20-21; Оп20.Д.2098.Л.11; Горный журнал. 1875. №6. С. 337; Екатеринбургская неделя. 1884. № 35. С. 600.
6. РГДА. Ф.1278. Оп.2.Д.5308.Л.36-37; Д.5473.Л.283,310.
7. Гаврилов Д.В. Некоторые вопросы аграрной истории горнозавод-ского Урала периода капитализма в свете трудов В.И. Ленина // Учен. зап. Ульян. пед. ин-та. Т. 24. Вып. 4. Ульяновск, 1972. С. 34-35.
8. ГАСО. Ф.55. Оп.1.Д.259.Л.11-14.
9. ГАСО. Ф. 43. п.1.Д.1012.Л.3,10,17; Д.1084.Л.4; Ф.72. Оп.1.Д.4313. Л.25, 29; Ф.102. Оп.1.Д.433. Л.5-6.

10. ГАСО. Ф.78. Оп.1.Д.455.Л.41-42; Пермский край. 1902. 19 февраля; Мякотин В.А. Вопрос о праве на лес в наделных угодьях мастеровых и сельских работников посессионных округов на Урале // Русское богатство. 1902. № 6. С. 169, 175.

11. О завершении поземельного устройства мастеровых и сельских работников посессионных горных заводов в Уральских горнозаводских округах. 19 мая 1893 г. // ПСЗ-3. СПб., 1897. Т. 13. № 9628. С. 326.

12. ГАСО. Ф.55. Оп.1.Д.476.Л.50. об., Д.562.Л.123.

13. РГИА. Ф.1291. Оп.66.Д.217.Л.50-54; ГАСО. Ф.36. Оп.1.Д.81.Л.211-212; Ф. 55. Оп.1.Д.54.Л.228,346,403.

14. ГАСО. Ф.43. Оп.1.Д.246.Л.193-194; Д.752.Л.37,46.

15. РГИА. Ф.1284. Оп.67.Д.224.Л.44-46; ГАСО. Ф.43. Оп.1.Д.752. Л. 126, 132, 141.

16. ГАСО. Ф.55. Оп.1.Д.557.Л.8-9; Оп.2.Д.587.Л.62; Екатеринбургская неделя. 1890. №2. С. 30; Торгово-промышленная газета. 1898. 3(15) января.

17. Об инструкции о порядке отграничения земельного и лесного наделов и о способе исчисления оброчной подати и лесного налога с горнозаводского населения мастеровых и сельских работников казенных заводов, 12 марта 1877 г. // ПСЗ – 2. Т. 52. № 57054. С. 201-209.

18. ГАСО. Ф.55. Оп.1.Д.305.Л.167-170,180-183,187,315,317.

19. ГАСО. Ф.55. Оп.1.Д.562.Л.203-204; Д.790.Л.13. О некоторых изменениях в правилах о поземельном устройстве горнозаводского населения на Урале. 8 июня 1901 г. // ПСЗ – 3. Т. 21. №20339. С. 614-617.

20. Военно-конская перепись 1899-1901 гг. СПб., 1902. С. XII; Легошин Л.И., Черныш М.И. Историография аграрного вопроса на Урале в пореформенный период // История СССР. 1969. №1. С. 145.

